

КАНТОВСКОЕ ПОНЯТИЕ ПРОСВЕЩЕНИЯ И ЕГО АЛЬТЕРНАТИВЫ

А.Н. Круглов¹

Современная популярность кантовского определения просвещения нередко приводит к искаженному представлению, будто и во времена жизни Канта его понимание просвещения было доминирующим, выражая квинтэссенцию общеевропейской эпохи Просвещения. Тем самым из нашего восприятия изымаются целые пласты философской мысли, поскольку кантовская дефиниция просвещения в конце XVIII в. не была ни единственной, ни определяющей. Изучение ее альтернатив, представленных в немецкой философии того периода, позволяет лучше осознать своеобразие кантовского подхода — как его достоинства, так и недостатки. Презентация кантовского определения просвещения в виде эталонного оказывается весьма поздним историческим явлением. Даже ближайшие последователи Канта не обращались к его толкованию просвещения, а сам этот феномен подвергали резкой критике как плоское поверхностное явление, противоположное вере. Дальнейшая трансформация взглядов на Просвещение привела к появлению неаутентичных терминов «Enlightenment» и «Lumières», *post factum* обращенных на философию XVIII столетия в Европе. В результате сущность просвещения определялась не столько самими просветителями XVIII в., сколько историками и философами XIX–XX веков, конструиовавшими некое эталонное понятие просвещения, с которым, как с образцом, затем сравнивались философские фигуры. В силу этого игнорировались, во-первых, аутентичное понимание просвещения — в Германии и России для этого имелись в XVIII в. аутентичные термины «Aufklärung» и «просвещение», а во Франции — прототермин «éclairé», а во-вторых, существенные национальные различия в толковании этого явления. Выхолощенная кантовская дефиниция просвещения

¹ Российский государственный гуманитарный университет, 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6.
Поступила в редакцию: 26.02.2023 г.
doi: 10.5922/0207-6918-2023-2-2

KANT'S CONCEPT OF ENLIGHTENMENT AND ITS ALTERNATIVES

A.N. Krouglov¹

The modern popularity of the Kantian definition of enlightenment often leads to a distorted notion that his understanding of enlightenment was dominant already during his lifetime, expressing the quintessence of all-European Enlightenment. This turns our attention away from entire layers of philosophical thought, since the Kantian definition of enlightenment in the late eighteenth century was neither the only one nor the preeminent one. The study of alternatives represented in the German philosophy of that period gives a deeper insight into the originality of the Kantian approach with regard to both its merits and demerits. The presentation of the Kantian definition of enlightenment as the standard turns out to be a rather late historical phenomenon. Even Kant's closest followers did not turn to his interpretation of enlightenment and, indeed, were sharply critical of the phenomenon as a banal and superficial one, opposed to faith. Further transformation of the views on the Enlightenment led to the emergence of the inauthentic terms of "Enlightenment" and Lumières applied *post factum* to the eighteenth-century philosophy in Europe. As a result, the essence of the enlightenment was defined not so much by the eighteenth-century Enlighteners as by historians and philosophers in the nineteenth and twentieth centuries who constructed a model notion of enlightenment against which philosophical figures were then compared. This approach ignored, first, the authentic definition of enlightenment (in Germany and Russia in the eighteenth century there were authentic terms "Aufklärung" and "prosveshcheniye", and in France the proto-term "éclairé") and, second, important national differences in the interpretation of the phenomenon. The emasculate Kantian definition of enlightenment used to legitimise the proposed approach. A closer look at the authentic view

¹ Russian State University for the Humanities.
6 Miusskaya sq., Moscow, 125993, Russia.
Received: 26.02.2023.
doi: 10.5922/0207-6918-2023-2-2

при этом использовалась в качестве некоей легитимации предложенного подхода. Более пристальное обращение к аутентичному взгляду философов XVIII в. на просвещение, сравнение кантовского подхода к просвещению с современными ему альтернативами могли бы продемонстрировать, что философский и эвристический потенциал якобы преодоленного и потерпевшего фиаско Просвещения еще далеко не исчерпан, а актуален и сегодня.

Ключевые слова: просвещение, эпоха Просвещения, Кант, Мендельсон, Цёлнер, Кассирер

1. О месте

кантовского определения просвещения в конце XVIII века

Знаменитый начальный абзац статьи Канта о просвещении 1784 г. в наши дни обрел такую большую популярность и широкое распространение, что кантовское толкование просвещения по умолчанию воспринимается как наиболее авторитетное и влиятельное:

Просвещение – это выход человека из состояния несовершеннолетия, в котором он находится по собственной вине. Несовершеннолетие есть неспособность пользоваться своим рассудком без руководства со стороны кого-либо другого. Несовершеннолетие по собственной вине – это такое, причина которого заключается не в недостатке рассудка, а в недостатке решимости и мужества пользоваться им без руководства со стороны кого-либо другого. Sapere aude! – Имей мужество пользоваться своим собственным рассудком! Таков, следовательно, девиз Просвещения (AA 08, S. 35; Кант, 1994, с. 127).

В результате при нынешних описаниях так называемой эпохи Просвещения раз за разом прибегают к кантовскому определению, и при этом — явно или неявно — исходят из того, что и во времена самого Канта его дефиниция просвещения пользовалась таким же авторитетом и играла такую же роль, как и сегодня.

of eighteenth-century philosophers and a comparison of the Kantian approach to enlightenment with its alternatives that existed at the time might perhaps demonstrate that the philosophical and heuristic potential of the allegedly overcome and discredited Enlightenment is far from exhausted and is still relevant today.

Keywords: enlightenment, Aufklärung, Age of Enlightenment, Kant, Mendelsohn, Zöllner, Cassirer

1. On the Place of the Kantian Definition of Enlightenment in the Late Eighteenth Century

The famous opening paragraph in Kant's 1784 article on the enlightenment has today become so popular and widespread that the Kantian definition of enlightenment is perceived by default as the most authoritative and influential:

Enlightenment is the human being's emancipation from its self-incurred immaturity. Immaturity is the inability to make use of one's intellect without the direction of another. This immaturity is self-incurred when its cause does not lie in a lack of intellect, but rather in a lack of resolve and courage to make use of one's intellect without the direction of another. "Sapere aude! Have the courage to make use of your own intellect!" is hence the motto of enlightenment (WA, AA 08, p. 35; Kant, 2006, p. 17).

As a result, current descriptions of the era of Enlightenment again and again take recourse to the Kantian definition, thus proceeding, explicitly or implicitly, from the assumption that in Kant's lifetime his definition of enlightenment commanded the same authority and played the same role as today. A closer look at the situation in Germany in the late eighteenth and early nineteenth centuries shows that the Kantian concept of enlightenment was but one of many alternative concepts, and was not the dominant or determining one for German philosophi-

Более близкое знакомство с ситуацией в Германии конца XVIII — начала XIX в. показывает, что кантовское понятие просвещения не было единственным, а среди многих других альтернативных понятий не являлось доминирующим и определяющим для немецкой философской мысли и общественного восприятия, хотя и обладало определенным весом и известностью наряду с другими. И хотя усилиями Н. Хинске богатая антология немецкой мысли конца XVIII в. по вопросу о просвещении стала доступна еще несколько десятилетий назад², в широком восприятии, особенно в России, Кант и по сей день представляется в определении сути просвещения чуть ли не единственной философской фигурой. Среди богатой палитры взглядов на просвещение, представленных в немецкой философии конца XVIII в. и ставших ответом на вопрос, заданный в 1783 г. на страницах «Берлинского ежегодника» священником И. Ф. Цёлнером³, в рамках данной статьи укажу лишь еще на двух мыслителей, подход к просвещению которых оставил в свое время не меньший след в сознании современников, чем кантовский, — М. Мендельсона с его статьей «О вопросе: что значит просвещать?» (1784; есть русский перевод⁴), а также

² Первое издание этого сборника было опубликовано еще в 1973 г., четвертое, дополненное, появилось в 1990 г. (*Was ist Aufklärung?*.. 1973; 1990).

³ «Что такое просвещение? На этот вопрос, который почти так же важен, как и вопрос, что такое истина, следовало бы все же ответить прежде, чем начинают просвещать! Однако же я нигде не нашел ответа на него!» (Zöllner, 1783, S. 516, Anm.).

⁴ «Образование распадается на культуру и просвещение. ...культура больше восходит к практическому... <...> Просвещение же имеет, как представляется, в большей степени отношение к теоретическому: к разумному познанию (объективно) и навыкам (субъективно) в деле разумного размышления о вещах, касающихся жизни человека, в зависимости от степени их важности и степени их влияния на его предназначение. <...> Язык приобретает просвещение с помощью наук, а культуру — через общение, поэзию и красноречие. Посредством просвещения язык приобретает теоретическое употребление, посредством культуры — практическое. Вместе они дают языку образование» (Мендельсон, 2011, с. 74–75).

cal thought and public perception, although it did carry some weight and was known along with others. Although through the efforts of Norbert Hinske the rich anthology of late eighteenth-century German thought became available several decades ago,² in the popular mind, especially in Russia, Kant is to this day seen as all but the only philosophical figure in the definition of the essence of enlightenment. Of the rich palette of views on enlightenment represented in late eighteenth-century German philosophy which answered the question, asked in 1783 by the priest Johann Friedrich Zöllner³ in the pages of the *Berlinische Monatsschrift*, I will mention just two thinkers whose approach to enlightenment at that time left at least as conspicuous a mark in the consciousness of contemporaries as that of Kant's. They are Moses Mendelssohn with his article, "On the Question: What Does 'To Enlighten' Mean?" (1784),⁴ and Johann August Eberhard, author of the article, "On the True and False Enlightenment, as well as the Rights of the Church and State

² The first edition of this collection was published in 1973, and the fourth enlarged edition in 1990 (Hinske, 1973; 1990).

³ "What is Enlightenment? This question, which is almost as important as the question, *what is truth*, should be answered before starting to enlighten! And yet I have nowhere found such an answer!" (cf. "Was ist Aufklärung? Diese Frage, die beinahe zu wichtig ist, als: was ist Wahrheit, sollte doch wol beantwortet werden, ehe man aufzuklären anfinge! Und noch habe ich sie nirgends beantwortet gefunden!") (Zöllner, 1783, p. 516n).

⁴ "Education breaks down into culture and enlightenment. The former seems to apply more to the practical dimension [...] Enlightenment seems, by contrast, to refer more to the theoretical dimension. It seems to refer — objectively — to rational knowledge and — subjectively — to proficiency at rationally reflecting upon things of human life, in terms of their importance and influence on the vocation of the human being. [...] A language attains enlightenment through sciences and culture through social interaction, poetry, and oratory. Through the former, it becomes more fit for theoretical use; through the latter for practical use. Both together make a language educated" (Mendelssohn, 1997, pp. 313-314).

И. А. Эберхарда, автора статьи «Об истинном и ложном Просвещении, а также о правах церкви и государства в отношении церкви» (1788)⁵. Стоит также подчеркнуть, что и статья Канта, и доклад Мендельсона, переросший затем в статью «Берлинского ежесеместника», стали предметом интересной дискуссии уже в 1784 г. в берлинском «Обществе собраний по средам»⁶, имевшем закрытый характер, причем в обсуждении статьи Канта приняли участие и Цёлльнер, и И. И. Шпальдинг, и Мендельсон, высказавший в адрес Канта проницательную критику — она касалась различия частного и публичного применения разума и возможности при определенных условиях отступления от предписаний в случае частного применения разума⁷.

Число различных определений просвещения, данных буквально за несколько лет, насчитывало несколько десятков. В анонимной статье «Критический опыт о слове “просвещение”», увидевшей свет в 1790 г. в «Немецком ежесеместнике», перечислено 21 значение этого термина (Anonym, 1790). Не обходилось и без

⁵ «...Истинное просвещение... будет состоять в уменьшении заблуждений и увеличении отчетливейших и правильнейших знаний из самых подходящих истинных оснований. Совершенно просвещенный человек был бы, следовательно, таким, который освободился от всех заблуждений и обогатил свой рассудок отчетливейшими и правильнейшими познаниями истины при помощи разума, опыта и сообразнейшей с разумом веры» (Eberhard, 1788, S. 39); «...подлинная сущность истинного просвещения состоит во всепроникающем и самом тщательном применении разума, опыта и сообразнейшей с разумом веры...» (Ibid., S. 41).

⁶ Некоторые из наиболее активных членов этого общества как раз и были редакторами «Берлинского ежесеместника», другие же его члены входили в число авторов этого журнала.

⁷ Эти архивные материалы о деятельности берлинского «Общества собраний по средам», к сожалению, до сих пор еще не опубликованы. Большую работу по их сбору и подготовке к публикации на основе так называемых «Moehsen-Papiere» проделал Х. П. Делфоссе. После его смерти эту работу продолжили К. Энгельхард, Д. Трикор и А. Эммель из университета Трира, которые в настоящее время готовят электронное издание данных архивных материалов (Quellen..., 2022).

with Respect to the Church” (1788).⁵ It has to be stressed that Kant’s article and Mendelssohn’s report which later developed into a *Berlinische Monatsschrift* article, became the subject of an interesting discussion as early as 1784 in Berlin’s Society of Wednesday Meetings⁶ which gathered behind closed doors, and in which Kant’s article was discussed, among others, by Zöllner, Johann Joachim Spalding and Mendelssohn who presented an incisive critique of Kant which had to do with the private and public use of reason and the possibility, under certain conditions, of departure from prescriptions in the case of the private use of reason.⁷

The number of different definitions of enlightenment given literally within a space of several years ran into several tens. An anonymous article, “Critical Essay on the Word

⁵ “[...] genuine enlightenment [...] would consist in the lessening of delusions and increase of the clearest and most correct knowledge on the fittest true grounds. A perfectly enlightened man would thus be one who has shed all delusions and enriched his mind with the clearest and most correct knowledge of the truth through reason, experience and faith congruent with reason” (cf. “[...] d[ie] wahre[] Aufklärung [...] wird [...] in der Verminderung der Irrthümer und in Vermehrung der deutlichsten und richtigsten Kenntnisse aus den angemessensten Wahrheitsgründen bestehen. Der vollkommen aufgeklärte Mensch würde also derjenige seyn, der sich von allen Irrthümern losgemacht und seinen Verstand mit der deutlichsten und richtigsten Erkenntniß der Wahrheit durch Vernunft, Erfahrung und den vernunftmäßigsten Glauben bereichert hätte”) (Eberhard, 1788, p. 39); “[...] the true essence of genuine enlightenment consists in the all-pervasive and most thorough use of reason, experience and faith congruent with reason [...]” (cf. “[...] das eigentliche Wesen der wahren Aufklärung bloß in dem durchgängigen sorgfältigsten Gebrauche der Vernunft, der Erfahrung und eines vernunftmäßigen Glaubens besteht [...]”) (ibid., p. 41).

⁶ Some of the most active members of this society were editors of the *Berlinische Monatsschrift*, while others were contributors to the journal.

⁷ These archive materials on the activities of the Berlin Society of Wednesday Meetings, unfortunately, have still not been published. Heinrich P. Delfosse has done a lot of work to gather and publish them on the basis of the so-called *Moehsen-Papiere*. After his death this work was carried on by Kristina Engelhard, Damien Tricoire and Armin Emmel of Trier University, who are currently preparing an electronic publication of archive materials (Universität Trier, Kant-Forschungsstelle, 2022).

язвительной сатиры в духе швейцарского иезуита Й. А. Вайсенбаха, который в 1790 г. анонимно опубликовал сочинение «Если это Просвещение, то что тогда нелепость?» (Weißbach, 1790). Но несмотря на все обилие ответов, все тот же Цёлнер, спровоцировавший дискуссию о просвещении, в своей статье «О просвещении» (1787), подводя предварительные итоги спора, признавал, что ответа на этот вопрос так и не было найдено: «Последние несколько лет в Германии много пишут и говорят о просвещении. Но все еще кажется, что не поняли истинного его понятия, по крайней мере не пришли к согласию [относительно такового]» (Zöllner, 1787, S. 92).

Кантовское понятие по-прежнему оставалось одним из многих и по окончании дискуссии, то есть после того, как уже и немецкий романтизм стал сходиться с исторической сцены, и появились различные идеалистические системы. Это особенно хорошо видно на примере нескольких антологий, составленных в конце XVIII — первой трети XIX в. и содержащих в себе афоризмы различных — в первую очередь того времени — мыслителей по тем или иным темам или вопросам. В некоторых из них имеются специальные подборки, посвященные просвещению (Aussprüche..., 1797, S. 222–235; Aussprüche..., 1801, S. 461–489)⁸. В других подобных антологиях соответствующие изречения о просвещении содержатся в разделе про истину и разум (Fraenkel, Salomon, 1824, S. 346–400). Некоторым развитием и продолжением этих сборников стало собрание П. Клобушицки (Klobuschitzky, 1831, S. 145–188). В нем содержатся целых три раздела о просвещении с определениями, данными такими мыслителями, как Хр. Томазий, И. Б. Эрхард, Хр. Г. Зальцманн, И. Хр. Г. Шауманн, М. Мендельсон, К. Г. Хайденрайх, Я. Салат, Хр. Гарве, К. Хр. Э. Шмид,

⁸ Состав изречений о просвещении в первом и во втором издании несколько различается.

‘Enlightenment’”, published in *Deutsche Monatsschrift* in 1790, listed 21 meanings of the term (Anonym, 1790). This prompted some biting satirical comments, in the spirit of the Swiss Jesuit Joseph Anton Weißbach, who published an anonymous article, “If This Is Enlightenment What Is Absurdity?” (Weißbach, 1790). Yet, in spite of the surfeit of answers, Zöllner, who provoked the discussion on enlightenment, summing up the interim results of the debate in an article, “On Enlightenment” (1787), admitted that an answer to the question had yet to be found: “Over the past years a great deal has been written and said in Germany about enlightenment. Still there seems to be no real understanding of the notion, at least no consensus [regarding it]”⁸ (Zöllner, 1787, p. 92).

The Kantian concept still remained one of many after the end of the discussion, i.e. after German Romanticism started leaving the historical stage and various idealistic systems emerged. This is highlighted by several anthologies compiled in the late eighteenth and the first third of the nineteenth centuries which contained aphorisms of various thinkers (first and foremost of that time) on various topics and issues. Some of them have selections devoted to enlightenment (Wytttenbach and Nevrohr, 1797, pp. 222-235; 1801, pp. 461-489).⁹ In other similar anthologies corresponding utterances on enlightenment are contained in the section on truth and reason (Fraenkel and Salomon, 1824, pp. 346-400). In a way, these collections were developed and continued in the collection by Paul Klobuschitzky (1831, pp. 145-188). It has three sections on enlightenment with definitions by such thinkers as Christian Thomasius, Johann Benjamin Erhard,

⁸ Cf. “Seit einigen Jahren ist in Deutschland viel von Aufklärung geredet und geschrieben worden; aber noch scheint man sich über den wahren Begriff derselben nicht gehörig verständigt, wenigstens nicht vereinigt zu haben.”

⁹ The selections of utterances on enlightenment differ somewhat in the first and second editions.

Т. Гиппель, Ф. Шиллер, Ж. П. Рихтер, К. Э. Мангельсдорф, Кр.М. Виланд, И. Г. Гердер и др. Во всех упомянутых выше антологиях находят свое место и изречения Канта, причем не только из его статьи о просвещении, но и из ряда других работ. Несмотря на то что кантовское определение занимает в этих собраниях достойное место, оно все же не является ни первым, ни центральным.

На рубеже XVIII—XIX вв. кантовское определение просвещения не было настолько хорошо известным, как сегодня. Его не изучали в школах и университетах. Разумеется, это вовсе не означает, что оно было предано забвению вскоре после публикации журнальной статьи — определенный след кантовская дефиниция просвещения все же оставила. После «Берлинского ежемесячника» (1784) и до выхода в свет первого собрания сочинений Канта под редакцией К. Розенкранца и Ф. В. Шуберта статья о просвещении несколько раз перепечатывалась в сборниках небольших работ кёнигсбергского философа и была доступна читающей публике того времени (Kant, 1793a; 1793b; 1797; 1799). Сочинения, реагирующие на кантовское понятие просвещения, в то время не были редкостью, однако ни о каком потоке литературы на эту тему все же нельзя говорить. Имевшиеся отклики нередко носили критический характер⁹ либо Кант рассматривался только как один из многих мыслителей, высказывавшихся о просвещении. Довольно рано в качестве специального философского термина под влиянием статьи Канта о просвещении устоялся термин «несовершеннолетие» (*Unmündigkeit*)¹⁰, хотя и в этом случае расцвет данного понятия пришелся уже на XX столетие.

⁹ Помимо упомянутых выше Цёлнера, Мендельсона и Шпальдинга необходимо назвать также и И. Г. Гамана (Гаман, 2013; см. также: Гильманов, 2013).

¹⁰ См. один из примеров плодотворного применения: (Tetens, 1802, S. 33–34, Anm.).

Christian Gottlieb Salzmann, Johann Christian Gottlieb Schaumann, Moses Mendelssohn, Carl Heinrich Heydenreich, Jakob Salat, Christian Garve, Carl Christian Erhard Schmid, Theodor Hippel, Friedrich Schiller, Jean Paul Richter, Karl Ehregott Mangelsdorf, Christoph Martin Wieland, Johann Gottfried Herder and others. All the above-mentioned anthologies contain utterances by Kant, gleaned not only from his article on enlightenment, but also from some other works. Although Kant's definition is given due space in these anthologies, it is still not the first and not the central one.

At the turn of the eighteenth and nineteenth centuries the Kantian definition was less well known than it is today. It was not studied at schools and universities. This is not to say that it sank into oblivion shortly after the journal article was published; Kant's definition of enlightenment did leave a footprint. After the *Berlinische Monatsschrift* (1784) and before the publication of the first collection of Kant's works edited by Karl Rosenkranz and Friedrich Wilhelm Schubert the article on enlightenment was reprinted several times in collections of Kant's short works and was available to the reading public (Kant, 1793a; 1793b; 1797; 1799). Works reacting to Kant's concept of enlightenment were not rare at the time, but there was nothing like a flood of literature on the topic. Reviews were often critical in character¹⁰ or else cited Kant as one of many thinkers who wrote about enlightenment. Fairly soon the term "immaturity" (*Unmündigkeit*)¹¹ was established as a philosophical term under the influence of Kant's article on enlightenment but the term did not really flourish until the twentieth century.

¹⁰ In addition to the above-mentioned Zöllner, Mendelssohn and Spalding, mention should be made of Johann Georg Hamann (1996); see also Vladimir Gilmanov (2013).

¹¹ See one example of fruitful use in Johannes Nikolaus Tetens (1802, pp. 33n-34n).

2. Ближайшая судьба кантовского понятия просвещения

Ближайшие последователи Канта, которых в традиции Ф. Энгельса относили к «немецкой классической философии», не поддерживали его тему просвещения, а само просвещение понимали существенно иначе. Хотя у И. Г. Фихте порой еще можно заметить некую вовлеченность в дела просвещения, да и его трактат «Назначение человека» (1800) явным образом продолжает линию Шпальдинга (Шпальдинг, 2014), но даже у него в явном виде на первый план выходят критические замечания в адрес просвещения. Показателен в этом отношении трактат Фихте «Ясное, как солнце, сообщение широкой публике о сути новейшей философии» (1801). Один из главных врагов Фихте, Ф. Николаи (Николаи, 2004), оказывается здесь скорее карикатурой на просветителя. Фихте протестует против сведения просвещения к образованию и воспитанию одного лишь рассудка (Фихте, 1995, с. 583; Fichte, 1801, S. 171) и подчеркивает, что «высокое просвещение, образование и гуманность современного философского столетия» состоят в освобождении от «старомодного педантизма» (Фихте, 1995, с. 595; Fichte, 1801, S. 211). В «Ясном, как солнце, сообщении...» Фихте называет просвещение поверхностностью (Фихте, 1995, с. 595; Fichte, 1801, S. 212), а в «Основных чертах современной эпохи» (1806) у него и вовсе имеется язвительная игра слов «Aufklärung» / «Ausklärung», которая характеризует третью эпоху — эпоху освобождения от внешнего авторитета: «...третья эпоха изображена... высокомерно взирающей сверху вниз на тех, кто, грезя о добродетели, упускает наслаждения, и довольной тем, что сама она выше таких вещей и не позволяет навязывать себе ничего в этом роде, словом, представлялась, употребляя вполне соответствующее ее истинной сущности выражение, эпохой просвещения и выветривания...» (Фихте, 1993, с. 398; Fichte, 1806, S. 82).

2. The Immediate Fate of the Kantian Concept of Enlightenment

The immediate followers of Kant, traditionally referred to as “German classical philosophers” (Engels) did not take up his enlightenment theme and understood the concept of enlightenment differently. Johann Gottlieb Fichte occasionally shows some involvement in matters of enlightenment and, indeed, his treatise *The Vocation of Man* (1800) clearly continues Spalding’s line (Spalding, 2013), yet even he is mainly critical of enlightenment. A telling instance is Fichte’s treatise *A Crystal Clear Report to the General Public Concerning the Actual Essence of the Newest Philosophy* (1801). In it Friedrich Nicolai (1995), one of Fichte’s main opponents, comes across rather as a caricature of an enlightener. Fichte vehemently opposes the reduction of enlightenment to the education and upbringing only of understanding (Fichte, 1987, p. 97; cf. Fichte, 1801, p. 171) and stresses that “the lofty enlightenment, education and humanity of this philosophical century” consists in liberation from “old Frankish pedantry” (Fichte, 1987, pp. 108-109; cf. Fichte, 1801, p. 211). In *A Crystal Clear Report* Fichte describes enlightenment as “shallowness” (Fichte, 1987, p. 109; cf. Fichte, 1801, p. 212), and in “The Main Features of the Modern Epoch” (1806) he even mockingly plays on the words *Aufklärung* / *Ausklärung* characterising the third epoch, the epoch of liberation from external authority: “[...] it was represented as a fundamental characteristic of the Third Age, that it looked down with haughty self-complacency on those who suffer themselves to be defrauded of present enjoyment by a dream of Virtue, congratulating itself that it is far above such delusions, and therefore secure from being imposed upon; — its true character being admirably expressed in a single phrase, — would-be-Enlightenment” (literally: “as enlightening and

У Ф. Шеллинга в отношении Просвещения можно обнаружить уже практически одни изюбки. В «Лекциях о методе университетского образования» (1803) он заявляет: «Этой идейной пустоте, которая скрывается под именем Просвещения, философия противоположна более всего. Надо признать, что ни одна нация не зашла дальше в таком возвышении резонирующего рассудка над разумом¹¹, нежели французы [и в этом отношении наши немцы по сравнению с французскими писателями — всего лишь жалкие и скучные проповедники]» (Шеллинг, 2009, с. 46; Schelling, 1803, S. 105). Еще до Фихте Шеллинг прибегает к игре слов «Aufklärerei» / «Ausklärerei»: «К действиям новейшего Просвещения (Aufklärerei), которое в отношении христианства можно назвать скорее Затемнением (Ausklärerei), относится также и призыв вернуть христианство, как говорят, к его изначальным смыслу и простоте, что называют также “прахристианством”» (Шеллинг, 2009, с. 84–85; Schelling, 1803, S. 198). В поздних лекциях по истории философии «так называемое просвещение» третируется Шеллингом как всего лишь субъективная разумность, субъективный рационализм, противостоящий вере: «...всеобщая, т.е. чисто субъективная, разумность, которая только и составляла сущность так называемого Просвещения...» (Шеллинг, 1989, с. 533; Schelling, 1861, S. 169); «...скудн[ый], чисто субъективн[ый] рационализ[м], который, собственно говоря, и составляет основное содержание того, что обычно называют Просвещением...» (Шеллинг, 1989, с. 534; Schelling, 1861, S. 170). Но если Фихте противопоставлял себя Николаи, то для Шеллинга уже с 1806 г. оба они являются продуктами одной и той же эпохи — эпохи Просвещения (Schelling, 1806, S. 25): Николаи представляет собой водород, Фихте — кислород, а вместе они в качестве

¹¹ Двумя годами ранее в подобной ложной иерархии Гегель упрекал Канта: если у Канта «рассудок рассматривается разумом, то разум, напротив, рассудком» (Hegel, 1979, S. 10).

airing” “als Auf- und Ausklärung”) (Fichte, 1889, pp. 41-42; cf. Fichte, 1806, p. 82).

Friedrich Wilhelm Joseph Schelling practically scoffs at Enlightenment. In *On University Studies* (1803) he declares: “It is to this lack of Ideas, which boldly calls itself ‘enlightenment’, that philosophy is most strongly opposed. It must be granted that no nation has succeeded better than the French in this elevation of the ratiocinative understanding above reason. [Footnote:] And we, Germans, after all, are but poor dull preachers compared with the French writers” (Schelling, 1966, p. 52; cf. Schelling, 1803, p. 105). Even before Fichte, Schelling resorts to play on the words *Aufklärerei* and *Ausklärerei*: “One of the operations of the modern pseudo-enlightenment [*Aufklärerei*] — which, with respect to Christianity, might rather be called a dis-enlightenment [*Ausklärerei*] — is the attempt to ‘restore’ it, as the saying goes, to its ‘original’ meaning, to its early simplicity, in which form it is sometimes referred to as ‘primitive’ Christianity” (Schelling, 1966, p. 96; cf. Schelling, 1803, p. 198). In his later lectures on the history of philosophy Schelling scoffs at “the so-called Enlightenment” as merely “subjective reasonableness opposing faith”: “[...] a universal, namely merely subjective reasonableness, which was all the so-called Enlightenment consisted in [...]” (Schelling, 1994, p. 167; cf. Schelling, 1861, p. 169); “[...] meagre, merely subjective rationalism in which the main content of what was generally called the Enlightenment really consists [...]” (Schelling, 1994, p. 168; cf. Schelling, 1861, p. 170). But while Fichte opposed himself to Nicolai, for Schelling in 1806 they were both products of the same epoch, the epoch of Enlightenment (Schelling, 2018, p. 34; cf. Schelling, 1806, p. 25): Nicolai is hydrogen and Fichte is oxygen and together, they produce “the true water of our age” (Schelling, 2018, p. 95; cf. Schelling, 1806, pp. 135-136).

продукта дают «истинную воду эпохи» (Schelling, 1806, S. 135–136).

Критика просвещения еще больше обострилась в гегелевской философии. Уже в «Феноменологии духа» (1807) Г.В.Ф. Гегель помещает в разделе о духе специальную часть о Просвещении (борьба просвещения с суеверием, истина просвещения и пр.), однако в ней не удается рассмотреть и опознать не только кантовский смысл просвещения, но и вообще многое из того, что сделали и написали иные мыслители пресловутой эпохи Просвещения. Иными словами, Гегель взял не какое-то альтернативное Канту понятие просвещения конца XVIII в., а пошлое и расхожее толкование плоского просвещения, противоположного вере. Ключевыми словами для Гегеля в разговоре о Просвещении оказываются деспотизм, суеверие, духовенство, польза: «Просвещение, стало быть, постигает свой предмет прежде всего и вообще так, что принимает его за *чистое здравомыслие* (reine Einsicht) и, не узнавая [в нем] себя самого, объявляет его заблуждением» (Гегель, 2000, с. 280; Hegel, 1989, S. 405). Напряжение между религиозной верой и просвещением Гегель выражает следующим образом:

...этот *преднамеренный взгляд*, что все в своем непосредственном наличном бытии есть *в себе* или хорошо и, наконец, что *отношение* единичного сознательного бытия и абсолютной сущности, *религия*, исчерпывающим образом выражается понятием полезности, для веры просто *отвратителен*. Эта собственная *мудрость* просвещения необходимо кажется вере в то же время самой *пошлостью* (Plattheit) и *признанием* (Geständnis) пошлости; ибо эта мудрость состоит в том, что об абсолютной сущности она ничего не знает или, что то же самое, знает о ней ту совершенно плоскую (ebene) истину, что она есть именно (eben) лишь *абсолютная сущность*, зато она знает только о конечном, и притом знает его как истинное, и это знание о нем как об истинном считает самым возвышенным (Гегель, 2000, с. 288; Hegel, 1989, S. 416–417).

Critique of enlightenment intensifies in Georg Wilhelm Friedrich Hegel's philosophy. Already in the *Phenomenology of Spirit* Hegel devotes part of the section on spirit to Enlightenment (the fight of enlightenment against prejudice, the truth of enlightenment, etc.); however, one fails to find in it not only the Kantian meaning of enlightenment, but also much of what other thinkers wrote about the infamous epoch of Enlightenment. In other words, Hegel targets not some concept of enlightenment of the late eighteenth century that is an alternative to Kant's, but a banal interpretation of enlightenment opposed to faith. The key words for Hegel in the conversation about Enlightenment are despotism, prejudice, the clergy and utility: "The Enlightenment therefore grasps its object universally in such a way that it at first takes it to be *pure insight*, and so that, while not cognizing itself, it declares it to be error" (Hegel, 2018, p. 318; cf. Hegel, 1989, p. 405). This is how Hegel describes the tension between religious faith and enlightenment:

[...] this *intention* that everything in its immediate existence is *in itself*, or, is good, that finally the *relation* of the singular conscious being to the absolute essence, *religion*, is to be exhaustively expressed in the concept of utility is, to faith, something utterly *abhorrent*. This, the Enlightenment's own *wisdom*, necessarily appears to faith at the same time as *shallowness* itself and as the very *confession* of shallowness because it consists in knowing nothing of absolute essence, or, what amounts to the same thing, in knowing only this entirely banal truth about it, that it is only *the absolute essence*. Quite the contrary, to faith, what the Enlightenment knows as the highest is nothing but finitude, indeed, it knows this finitude and the knowing of such finitude as the true (Hegel, 2018, p. 327; cf. Hegel, 1989, pp. 416-417).

Thus, already for Hegel a couple of decades later such characteristics of German Enlightenment as its religious focus or the development

Таким образом, уже для Гегеля по прошествии всего лишь пары десятилетий такие характерные особенности немецкого Просвещения, как его религиозная заостренность или же развитие идеи предназначения человека с явным религиозным подтекстом, оказались вне рамок рассмотрения. То, что выступает у него в виде «просвещения», больше напоминает карикатуру или конструкт, нежели философское и историческое явление в Германии конца XVIII столетия.

3. Понятие Просвещения, сконструированное *post factum*

Однако то, что в дальнейшем — в значительной мере вплоть до наших дней — стало пониматься под просвещением, хоть и имеет общую тональность с критикой Гегеля, все же отличается от его понимания. К становлению этого расхожего толкования Просвещения в большей степени приложили руку историки XIX и XX вв., а не философы и историки философии¹². Для XVIII столетия ими были придуманы специальные термины: в английском варианте *Enlightenment*, а во французском — *Lumières*. Оба стали, похоже, поздним вариантом перевода немецкого термина *Aufklärung*, о котором столь интенсивно полемизировали немецкие философы времен Канта. Еще в 1788 г. Эберхард, комментируя собственный вопрос об истинном и ложном просвещении, пронизательно заметил: «...ни самые просвещенные древние, ни новые нации не имеют существительного для [выражения] этого иногда желательного, а иногда внушающего страх свойства человеческого духа, который бы полностью соответствовал немецкому слову “просвещение” (*Aufklärung*)» (Eberhard, 1788, S. 32). К новым нациям Эберхард, наверняка не вла-

¹² То, как протекал этот процесс, хорошо показано в статье Х. Штуке (Stuke, 1972).

of the idea of the human being's mission with a clear religious implication, proved to be outside his frame of reference. What he calls “enlightenment” is more like a caricature or construct than a philosophical and historical phenomenon in the late eighteenth-century Germany.

3. The Concept of Enlightenment Constructed *post factum*

However, what came to be understood by enlightenment subsequently — and to a large extent down to our own day — though having the same tone as Hegel's criticism, differs from his interpretation. This commonplace interpretation of the Enlightenment owes more to historians of the nineteenth and twentieth centuries than to philosophers and historians of philosophy.¹² For the eighteenth century they thought up special terms — *Enlightenment* in English and *Lumières* in French. Both were apparently later versions of the translation of the German term *Aufklärung*, which was hotly debated by German philosophers in Kant's time. As early as 1788 Eberhard, commenting on his own question about genuine and false enlightenment, made this insightful observation: “[...] neither the most enlightened ancient, nor the more modern nations have a noun for [expressing] this sometimes desirable, and sometimes feared property of the human spirit that fully corresponds to the German word for enlightenment (*Aufklärung*)”¹³ (Eberhard, 1788, p. 32). By more modern nations Eberhard, who did not know Russian,¹⁴ meant above all England and

¹² The process was well described by Stuke (1972).

¹³ Cf. “*Es ist auffallend, daß weder die aufgeklärtesten ältern noch neuern Nationen für diese bald gewünschte bald gefürchtete Eigenschaft des menschlichen Geistes ein Substantiv haben, das dem deutschen Worte Aufklärung völlig entspräche.*”

¹⁴ Cf. Nikolai Gogol (1969, p. 95): “Without thinking, we now repeat the word ‘enlightenment’. And we have never even reflected on whence this word came and on what it means. This word does not exist in any other language; it is only in ours. ‘To enlighten’ does not

девший русским языком¹³, относил в первую очередь англичан и французов, подчеркивая, что их языки даже не позволяют задать вопрос об истинном и ложном просвещении или же о возможном вреде просвещения.

После того как новые термины *Enlightenment* и *Lumières* устоялись, их задним числом обратили на XVIII в., в котором они не имели хождения¹⁴. В самом применении неаутентичных модернизированных терминов нет никакой крамолы, но для этого все же необходимо осознавать их искусственный и классификаторский характер. К сожалению, именно этого и не произошло в данном случае. Вместо этого Просвещение как таковое стали истолковывать как век разума, борьбу с феодализмом, с церковью, как процесс секуляризации, как борьбу с предрассудками, мистицизмом, мечтательством, обскурантизмом, связанную с идеей исторического и социального прогресса, некоей буржуазностью и французской революцией¹⁵. Подобное Просвещение на первом этапе подвергалось критике за пошлость, плоскость, отсутствие глубины, диктаторство, наивность и прочие подобные грехи.

Такое развитие имело несколько печальных следствий. Во-первых, у французских мыслителей, причисленных задним числом к эпо-

¹³ Ср. у Н. В. Гоголя: «Мы повторяем теперь еще бессмысленно слово “просвещение”. Даже и не задумались над тем, откуда пришло это слово и что оно значит. Слова этого нет ни на каком языке, оно только у нас. Просветить не значит научить, или наставить, или образовать, или даже осветить, но всего насквозь высветлить человека во всех его силах, а не в одном уме, пронести всю природу его сквозь какой-то очистительный огонь. Слово это взято из нашей Церкви, которая уже почти тысячу лет его произносит, несмотря на все мраки и невежественные тьмы, отовсюду ее окружающие, и знает, зачем произносит» (Гоголь, 1952, с. 285).

¹⁴ Отдельные случаи употребления этого слова встречались у Ж.-Ф. Мармонтеля, К. Кребийона или Вольтера, однако французские авторы в XVIII в. находились еще лишь «на пути к понятию, обозначающему эпоху» (Schalk, 1971, Sp. 621).

¹⁵ Правда, попытки прочертить связь просвещения и французской революции появились еще в среде самих просветителей; см., напр.: (Schaumann, 1793).

France, stressing that their languages do not even have the means to ask the question about true and false enlightenment or about the possible harm of enlightenment.

Once the new terms *Enlightenment* and *Lumières* became established they were retrospectively applied to the eighteenth century in which they had no currency.¹⁵ There is nothing wrong with using inauthentic terms, but in doing so one should be aware of their artificial and classificatory character. Unfortunately, this has not been the case. Instead, the Enlightenment came to be interpreted as the age of reason, struggle against feudalism, the church, as the process of secularisation, the struggle against prejudice, mysticism, fantasising, obscurantism connected with the idea of historical and social progress, bourgeois attitudes and the French Revolution.¹⁶ At the first stage such Enlightenment was criticised for banality, flatness, lack of depth, dictatorship, naivité and other such sins.

Such development had several lamentable consequences. Firstly, the French thinkers who were retrospectively associated with the *Lumières* epoch did have their own concept for what can be seen as an authentic prototype of enlightenment. In volume five of the French *Encyclopédie, ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers* Denis Diderot (1751)

mean to teach, or to edify, or to educate, or even to illuminate, but to illuminate a man through and through in all his faculties and not in his intelligence alone, to take all his nature through a purifying fire. This word is borrowed from our Church, which has pronounced it for almost a thousand years, in spite of all the darkness and ignorant gloom surrounding it on every side, and it knows why it pronounces it”.

¹⁵ Occasional uses of this word occurred in Jean-François Marmontel, Claude-Prosper Jolyot de Crébillon and Voltaire, but eighteenth-century French authors were only “on the way to a concept indicating an epoch” (cf. “*Hier ist man auf dem Weg zum Epochenbegriff*”) (Schalk, 1971, col. 621).

¹⁶ True, attempts to trace a link between enlightenment and the French Revolution were already made by enlighteners themselves; see, for example, Schaumann (1793).

хе под названием *Lumières*, все же имелось собственное понятие для того, что можно рассматривать в качестве аутентичного прообраза просвещения. В пятом томе французской «Энциклопедии, или толкового словаря наук, искусств и ремесел» Д. Дидро в 1751 г. опубликовал небольшую статью под названием «Eclairé, clairvoyant» (Diderot, 1751), в которой продемонстрировал тонкое различие между способностью ясно мыслить и ясно видеть. И хотя избранные статьи философского характера из французской энциклопедии переводились на русский язык неоднократно — можно указать, как минимум, четыре издания XVIII и XX вв. (Статьи..., 1770a; 1770b; Дидро, 1939; Философия..., 1994), — но ни в одно из них эта статья Дидро из источника, превозносимого многими чуть ли не как квинтэссенция всего Просвещения, не попала. Вряд ли это была случайность — скорее прямое следствие сконструированного *post factum* понятия *Lumières*. Чем является такое «просвещение», вправе определять уж никак не сам Дидро и его современники с их «eclairé», а лишь современные исследователи, которые затем проверят степень соответствия Дидро полученному ими эталонному понятию «просвещения».

Во-вторых, сфабрикованное расхожее понятие просвещения носило не просто нарочито общий характер, но и сознательно распространялось на всю (передовую) Европу, а частично и на США, в результате чего почти полностью нивелировались существенные национальные различия в восприятии просветительских идей, будь то между Англией, Францией и Германией¹⁶ или между другими странами на востоке и юге Европы. Справедливости ради стоит заметить, что подобный взгляд, представленный в историко-философском плане впечатляющими работами Э. Кассирера (Cassirer, 1932; Кассирер, 2004) и П. Азара (Hazard, 1935;

¹⁶ Убедительный их обзор см. в статье Р. Чиафардоне (Ciafardone, 1990).

published a small article entitled “Eclairé, clairvoyant”, in which he demonstrated the subtle difference between the ability to think clearly and to see clearly. Although selected philosophical articles from the French encyclopedia were more than once translated into Russian — we can mention at least four publications in the eighteenth and twentieth centuries (Kozelskiy, 1770a; 1770b; Diderot, 1939; Boguslavskiy, 1994) — the Diderot article, extolled by many as being little short of the quintessence of the Enlightenment, is not included among them. It was hardly an accident; rather, it was a direct consequence of the concept of *Lumières* constructed *post factum*. What such “enlightenment” is cannot be determined either by Diderot himself or his contemporaries with their “eclairé” but only by modern researchers who will then check the degree to which Diderot corresponds to their model concept of “enlightenment”.

Secondly, the fabricated popular notion of enlightenment was not only deliberately general in character, but was consciously spread to include the whole of (advanced) Europe and partly the USA, as a result of which significant national differences between England, France and Germany,¹⁷ or other countries in the east and south of Europe, were ignored. It has to be noted for fairness' sake that this view, represented in the impressive historical and philosophical works of Ernst Cassirer (1932; 2009) and Paul Hazard (Hazard, 1935; 1946) had some merits: they stressed the importance of this stage of philosophical development and rekindled interest in the study of individual problems of the philosophical period thus described.

However, the works that adopt this approach have serious flaws. A telling example is Cassirer's above-mentioned work, *The*

¹⁷ See a convincing review of them in Raffaele Ciafardone (1990).

1946), имел определенные достоинства: благодаря этому была подчеркнута важность данного этапа философского развития, а также пробужден новый интерес к штудиям по отдельным проблемам очерченного таким образом философского периода.

Однако работы, написанные в рамках подобного подхода, обнаруживают и серьезнейшие недостатки. Наглядным примером здесь может служить упомянутое выше исследование Кассирера «Философия Просвещения». Если посмотреть на цитированные в нем источники, то оно написано почти исключительно на материале французских философов XVIII в., но со странным дополнением в виде кантовской статьи о просвещении. Столь причудливая комбинация — французские философы-энциклопедисты, материалисты, борцы с церковью, атеисты + Кант — была призвана показать европейское Просвещение как таковое. При всей уникальной в этой связи роли Канта, которому едва ли не единственному было позволено своим собственным голосом определять, что же такое просвещение, она почти целиком девальвировалась по причине того, что само это определение практически никак не касалось обсуждаемого материала французской философии, а то и вовсе шло с ним вразрез. Похоже, единственной функцией статьи Канта о просвещении в этом контексте оказывалась некая легитимация того, что обсуждаемые вопросы и в самом деле касаются «просвещения», а не чего-то иного. Тем самым — в-третьих — при видимом превознесении кантовской статьи о просвещении ее подлинный смысл фактически выхолащивался.

В-четвертых, искусственно сделанный акцент именно на статье Канта о просвещении и апелляция к его авторитету с целью легитимации сконструированных представлений о некоем общеевропейском Просвещении способствовали забвению современных Канту альтернатив в понимании просвещения внутри не-

Philosophy of the Enlightenment. If one looks at the sources on which it is based one can see that it draws almost exclusively on the eighteenth-century French philosophers, but with a strange addition in the shape of Kant's article on enlightenment. This fanciful combination — French encyclopedic philosophers, materialists, opponents of the church, atheists + Kant — was called upon to show European Enlightenment as such. In spite of the unique role of Kant in all of this (he alone was allowed to define enlightenment in his own voice), that role was all but devalued because that definition practically had nothing to do with, and sometimes ran counter to, the material of the French philosophy that was discussed. It looks as if the only function of Kant's article on enlightenment in this context was legitimation of the fact that the issues discussed had to do with "enlightenment" and not something else. Thereby, thirdly, by ostensibly extolling Kant's article about enlightenment, its true meaning was in fact eroded.

Fourthly, the artificial emphasis on Kant's article on enlightenment and an appeal to his authority in order to legitimise the constructs about an all-European Enlightenment led to alternative concepts of enlightenment within the German philosophy of Kant's time being forgotten — even Mendelssohn with his article on enlightenment was at best in the shadow. The comparison of Kantian views with those of other German thinkers of his time, far from belittling Kant's significance, on the contrary enriches our knowledge of him and allows us to understand better the depth and originality of Kant's concept of enlightenment, as well as to become conscious of some of his weaknesses (see: Krouglov, 2014).

Fifthly, Russian enlightenment was particularly affected by this approach for the following reasons.¹⁸ Unlike France and England, Russia in

¹⁸ See more on this in Krouglov (2023).

мецкой философии — даже Мендельсон с его статьей о просвещении в лучшем случае оказывался лишь в тени. Однако сравнение кантовских взглядов со взглядами современных ему немецких мыслителей не только не принижает значение кёнигсбергского философа, но, напротив, обогащает наше знание о нем и позволяет лучше понять глубину и нетривиальность именно кантовского осмысления просвещения и вместе с тем лучше осознать некоторые его слабости (см. об этом: Круглов, 2014).

В-пятых, частный случай просвещения в России пострадал от вышеописанного подхода особенно сильно по следующим причинам¹⁷. В отличие от Франции или Англии, в России XVIII в. (и ранее) как раз имелся термин, которым мы пользуемся и поныне для обозначения этой философской эпохи, — *просвещение*. Однако и здесь при сохранении слова позднее произошли переопределения *post factum* под влиянием тех тенденций, которые привели к образованию и широкому хождению терминов *Enlightenment* и *Lumières*. Изначально понятие *просвещение* означало сияние светом, обогащение ума познаниями, праздник Богоявления и крещение (Словарь..., 1847, с. 552), имея совершенно недвусмысленные религиозные коннотации. Во второй половине XVIII — начале XIX в. в России насчитывался не один десяток печатных сочинений, в названии которых присутствовало слово «просвещение». Более того, в начале XIX в., спустя несколько лет после дискуссии о просвещении в Германии, в России также состоялось, пусть и более скромное, обсуждение этого вопроса.

Самой яркой и до сих пор по достоинству не оцененной фигурой здесь оказывается митрополит Московский Платон (П. Г. Левшин), в сочинениях которого содержится глубокая и разносторонняя рефлексия по вопросу о том, что представляет собой просвещение. В статье 1784 г., предшествовавшей соответствующей

the eighteenth century (and earlier) did have a term which we use to this day to denote that philosophical epoch. The term is *prosveshcheniye*. However, in this case, too, while the word has survived, it was redefined *post factum* under the influence of the trends which led to the emergence and widespread use of the terms *Enlightenment* and *Lumières*. Initially the concept of enlightenment meant being illumined by light, enrichment of the mind with knowledge, the holiday of Theophany and baptism (Slovar, 1847, p. 552) and had unambiguous religious connotations. In the second half of the eighteenth and early nineteenth centuries Russia had several tens of printed works which had the word “enlightenment” in their titles. Moreover, in the early nineteenth century several years after the debate on enlightenment in Germany, a similar, albeit a more modest, discussion of the issue took place in Russia.

The most brilliant and still not duly appreciated figure here is Metropolitan Platon (P.G. Levshin) of Moscow whose works contain profound and many-sided reflections on what enlightenment is. In a 1784 article, predating Kant’s article, Mendelssohn (1997, pp. 313-314) explained the meaning of enlightenment compared to education and culture. Metropolitan Platon (1780a, p. 80) as early as 1777 used a different trio of concepts, *viz.* reason, enlightenment and wisdom: “[...] reason is cognition of the truth; enlightenment is understanding of the law; wisdom is knowledge of one’s real well-being.” Unlike Kant, Metropolitan Platon pays serious attention to the distinction between true and false enlightenment. Thus, he said in a 1779 sermon:

[...] not everyone can distinguish true from external and feigned enlightenment. True enlightenment does not consist in being able to speak various languages, to comport oneself properly and to teach one’s feet to dance; but in knowing God and oneself; knowing what is society and its relations, what deeds can

¹⁷ См. об этом подробнее: (Круглов, 2023).

щей статье Канта, Мендельсон разъяснял значение просвещения в его сравнении с образованием и культурой (Мендельсон, 2011, с. 74–75). Митрополит Платон еще в 1777 г. использовал другую понятийную тройку – разум, просвещение и мудрость: «...разум есть познание истинны; просвещение есть разумение закона; мудрость есть знание своего истинного благополучия» (Платон, митрополит, 1780а, с. 80). В отличие от Канта, митрополит Платон обращает серьезное внимание на различие истинного и ложного просвещения. Так, в 1779 г. в одной из своих проповедей он произнес:

...истинное просвещение не все умеют различать от наружного и притворного. Не в том истинное просвещение состоит, чтоб разными языками знать говорить, чтоб тело уметь поставить в правильном положении, чтоб ноги изучить плясанию: но чтоб узнать Бога и себя; знать, что есть общество, и связь его, какими делами славу получить, и в чем состоит истинная слава, что есть честность, и как ее к себе привадить, чтоб корысть оную непреодолела? (Платон, митрополит, 1780б, с. 304).

Однако если сопоставить позицию митрополита Платона с альтернативными Канту пониманиями просвещения в немецкой философии конца XVIII в., обнаружатся определенные параллели – будь то у Цёлльнера (Zöllner, 1784), у Тетенса (Tetens, 1777, S. 670–672), у Эберхарда или у Г. Кр. Лихтенберга:

Все, что говорится о пользе и вреде просвещения, можно бы очень хорошо представить себе на примере огня. Он является душой неорганической природы, умеренное пользование им делает жизнь приятной, он согревает нас зимой и освещает наши ночи. Но для этого необходимы светильники и факелы. Освещение же улиц путем поджога домов весьма скверное освещение. Да и детям не следует разрешать играть с ним (Лихтенберг, 1965, с. 35).

earn glory and what true glory consists in, what is honesty and how to maintain it so that it does not succumb to filthy lucre (Platon, Metropolitan, 1780b, p. 304).

However, if we compare the position of Metropolitan Platon and interpretations of enlightenment by eighteenth-century German philosophers who offered alternatives to Kant's interpretation, we find certain parallels, be it in Zöllner (1784), Tetens (1777, pp. 670-672), Eberhard or Georg Christoph Lichtenberg:

What is said of the benefits and disadvantages of the *Enlightenment* can be well represented in a fable of fire. It is the soul of inorganic nature, its use in moderation makes life pleasant for us, it warms our winters and illuminates our nights. But that must be done with torches and candles: to illuminate the streets by setting fire to houses is a very ill form of illumination. Nor must children be allowed to play with it (Lichtenberg, 2000, p. 205).

But by the mid-nineteenth century this narrative about enlightenment was all but lost in Russia, to be replaced, while retaining the same word, by the French fashions in thinking, clothing, cooking...

Even so, this was by no means the last transformation. In the twentieth century the same word "enlightenment" came to be associated more with the stilted image of banal enlightenment, with anti-clericalism and anti-feudalism, an image with undisguised features of Gallo-centrism. While some scholars try to find some features in Russia of the eighteenth and even nineteenth centuries that fit this constructed concept of enlightenment, others – particularly some Western Slavic scholars, but also some historians and philologists in Russia – have denied that Russia ever had such a phenomenon as Enlightenment or declared it to be a mirage. France was held up as the model: "[...] enlightened despotism has come to be associated with the Enlightenment and the Enlight-

Но уже к середине XIX в. подобный смысл обсуждения просвещения почти целиком был в России утрачен, а на его место при сохранении того же слова пришла французская мода в мышлении, в одеждах, в кулинарии...

Однако и это была далеко не последняя трансформация. Для XX в. все то же слово «просвещение» оказалось больше связано с ходульным образом плоского просвещения, сопряженного с антиклерикализмом и антифеодализмом, и этот образ имел неприкрытые черты галлоцентризма. И если ряд исследователей пытался найти те или иные черты в России XVIII и даже XIX столетий, подходящие под это сконструированное понятие просвещения, то иные — в первую очередь ряд западных славистов, но также и некоторые отечественные историки или филологи — отказывали России в существовании в ее прошлом такого феномена, как «Просвещение», либо же объявляли таковой «миражом». Образцом и здесь выступала Франция: «...просвещенный деспотизм чаще всего ассоциируется с Просвещением, а Просвещение с Вольтером...» (Гриффитс, 2013, с. 52). Для подобного подхода к «просвещению» важны ассоциации, а то, что сами русские мыслители XVIII в. думали и говорили о просвещении, не только не представляет интереса и не составляет предмета изучения, но, напротив, подвергается осмеянию как некая нелепость (ср.: Пустарнаков, 2002, с. 30).

4. Взгляд на кантовское понятие просвещения из дня сегодняшнего

После Второй мировой войны на смену критике Просвещения за наивную поверхностность, плоскость и пошлость в качестве второго этапа пришли обвинения иного характера — куда более серьезные. В наиболее яркой форме их выразили М. Хоркхаймер и Т. В. Адорно в «Диалектике Просвещения» (1947), хотя в их понимании Просвещение предстает в гораз-

enment with Voltaire” (Griffiths, 1988, p. 52). This approach to enlightenment relies on associations, and what eighteenth-century Russian thinkers thought and said about enlightenment is not interesting and not worth studying and, on the contrary, is ridiculed as some kind of nonsense (cf. Pustarnakov, 2002, p. 30).

4. A Look at the Kantian Concept of Enlightenment from the Vantage Point of the Present

After World War II, at the second stage, criticism of Enlightenment as naïve, superficial and banal gave way to more serious charges. It was most vividly expressed by Max Horkheimer and Theodor W. Adorno in *Dialectics of Enlightenment* (1947), although they interpreted Enlightenment far more broadly than the philosophical era of the eighteenth century both in temporal and semantic terms. Besides accusing Enlightenment of being bourgeois and positivistic, Adorno and Horkheimer (2002, p. 18) ascribe to it totalitarianism: “For enlightenment is totalitarian as only a system can be. Its untruth does not lie in the analytical method, the reduction to elements, the decomposition through reflection, as its Romantic enemies had maintained from the first, but in its assumption that the trial is prejudged.” They believed that one of the main goals of the Enlightenment was “the disenchantment of the world”, the shattering of myths and replacement of imagination with knowledge (*ibid.*, p. 1). Adorno and Horkheimer stressed the enlightenment unity of formal and instrumental reason aimed at dominance, which is why Enlightenment deservedly suffers a defeat leading to a situation when “the wholly enlightened earth is radiant with triumphant calamity” (*ibid.*). Thus the historical catastrophes and horrors of the twentieth century were attributed directly to the implementation of the programme of Enlightenment.

до более широком смысле, и не только временнóм, чем философская эпоха XVIII в. Наряду с буржуазностью и позитивизмом Адорно и Хоркхаймер приписывали Просвещению тоталитарный характер: «Ибо Просвещение тоталитарно как ни одна из систем. Неистина его коренится не в том, в чем издавна упрекали его романтически настроенные противники, не в аналитическом методе, не в редукции к элементам, не в разрушении посредством рефлексии, но в том, что для него всякий процесс является с самого начала уже предрешенным» (Хоркхаймер, Адорно, 1997, с. 40). Усматривая одну из главных целей Просвещения в «расколдовывании мира», разрушении мифов и замене воображения знанием (Там же, с. 16), Адорно и Хоркхаймер подчеркивали просветительское единство формального и инструментального разума, нацеленного на господство, в силу чего Просвещение заслуженно терпит неудачу и приводит к тому, что «просвещенная планета воссияла под знаком триумфирующего зла» (Там же). Исторические катастрофы и ужасы XX столетия оказывались, таким образом, прямым следствием реализации самой программы Просвещения.

В дальнейшие десятилетия наблюдалось определенное расхождение исторического описания и философских оценок Просвещения. Если в учебниках истории, оказывающих огромное влияние в том числе и на историко-философские исследования, по-прежнему транслируется сконструированный образ антиклерикального, антифеодального, буржуазного Просвещения, то в философской среде усилия Адорно, Хоркхаймера и их сторонников не пропали даром: здесь нередко ставится либо задача преодоления Просвещения, породившего кошмары и ужасы и потерпевшего фиаско, либо же, напротив, задача инициации некоего нового Просвещения, которое в современных исторических условиях достигнет неких целей, оставшихся недостижимыми

The following decades saw a divergence of historical descriptions and philosophical assessments of the Enlightenment. While history textbooks, which have an immense influence on historical-philosophical studies, continue to stress the anti-clerical, anti-feudal, bourgeois image of the Enlightenment, in the philosophical milieu the efforts of Adorno, Horkheimer and their ilk were not wasted: here the task is often proclaimed of overcoming the Enlightenment which generated the nightmares and horrors and suffered a fiasco or, on the contrary, of initiating a new Enlightenment which would achieve in modern conditions the goals that were unattainable in the “old” Enlightenment. Neither Adorno nor Horkheimer bothers to explain what the “old” Enlightenment consisted in. For both, Enlightenment is a construct created by historians and philosophers of later epochs about Enlightenment based on “associations” and other equally “convincing” arguments and generalisations.

I think it makes more sense to try to understand what the eighteenth-century enlightenment really was, how it was understood by the philosophers of the time, what views they held on the essence and tasks of enlightenment, what its strengths and weaknesses were, where they were deluded and what parts of all that legacy are still relevant today. Thereafter an assessment would be made of the validity or otherwise of the many accusations levelled at the Enlightenment in the nineteenth and twentieth centuries – and even if these accusations proceeded from a grossly distorted image of enlightenment such questions as the attitude to nature, to animals, the problem of dehumanisation, instrumentalisation and religious tolerance should be discussed in relation to the undistorted enlightenment of a corresponding historical epoch. A specific question against this background is the Kantian notion of enlightenment – in what ways is it superior or inferior

в «старом» Просвещении. В чем же состояло это «старое» Просвещение, не интересует ни первых, ни вторых. Просвещение и для тех, и для других — это тот конструкт, который создали о Просвещении историки и философы последующих эпох, основываясь на «ассоциациях» и других столь же убедительных аргументах и обобщениях.

С моей точки зрения, правильнее было бы попытаться понять, в чем действительно заключалось просвещение XVIII в., как оно понималось самими философами того времени, как выглядела палитра их взглядов относительно сути и задач просвещения, в чем состояли их сильные и слабые стороны, в чем они заблуждались и что из всего этого наследия сохраняет актуальность и в наши дни. После этого можно было бы оценить, в какой мере справедливы многочисленные обвинения, выдвинутые в адрес Просвещения в XIX и XX вв. И даже если обвинения эти ориентировались на сильно искаженный образ просвещения, такие вопросы, как отношение к природе, к животным, проблемы расчеловечивания, инструментализации или веротерпимости, важно обсудить применительно к неискаженному просвещению соответствующей исторической эпохи. Специальным вопросом на этом фоне оказалось бы и специфически кантовское понятие просвещения — в чем оно превосходит, а в чем, напротив, уступает современным ему альтернативам? В какой степени оно актуально и применимо сегодня? Обсуждение это не может замыкаться лишь на статье о просвещении 1784 г., но должно захватывать и более широкий контекст критической философии¹⁸.

Детализируя возможные вопросы относительно кантовского понятия просвещения, имело бы смысл поразмышлять о том, в какой степени можно следовать неукоснительному

¹⁸ Правда, это не означает, что в духе Хоркхаймера и Адорно согласие или несогласие с «Критикой чистого разума» будет являться критерием отнесения или неотнесения к Просвещению.

to its modern alternatives? To what extent is it relevant and applicable today? This discussion should not be confined to the 1784 article on enlightenment, but should consider the broader context of critical philosophy.¹⁹

Detailing the possible questions about the Kantian concept of enlightenment it would be useful to reflect on how far one can go in strictly following the rules in the private use of reason, especially in cases when protest against these rules by public use of reason yields no results. How far can the demand for independent thinking go in the epoch of specialisations and differentiation? What does the struggle against guides and leading strings look like today? What does one make of today's "paternal" concern about protecting readers against *fake news* and "undesirable" publications in the light of Kant's demand for freedom of speech? These are not solely or largely historical-philosophical, but burning issues. This in turn shows that the philosophical and heuristic potential of the reflections of Kant (and his contemporaries) on the essence of enlightenment is far from exhausted. The three Kantian maxims — independent thinking, being able to take the viewpoint of the other and thinking that agrees with oneself, which elaborate the ideas he expressed in the 1784 article on enlightenment — have lost none of their relevance and perhaps have become even more relevant in present-day conditions. Thus, Kant's second maxim in the shape of even a timid attempt to take the viewpoint of the other today turns out to be a scandalous term of abuse: *Versteher*.

Equally as useful as the three above-mentioned maxims today would be Kant's polemical, sceptical and critical methods which are aimed not so much at the merciless struggle against enemies and opponents as at being able

¹⁹ This is not to say that, in the spirit of Horkheimer and Adorno, agreement or disagreement with the *Critique of Pure Reason* determines whether or not one belongs to the Enlightenment.

соблюдению правил в частном применении разума, особенно в тех случаях, если протест против этих правил публичным применением разума не имеет никакого эффекта. До какой степени может распространяться требование самостоятельности мышления в эпоху всевозможной специализации и дифференциации? Какой предстает сегодня борьба против поводырей и помочей? Как с точки зрения требуемой Кантом свободы слова выглядит сегодня «отеческая» забота по ограждению читателей от *fake news* и «нежелательных» изданий? Вопросы эти носят не только и не столько историко-философский, сколько животрепещущий характер. А это, в свою очередь, свидетельствует в пользу того, что философский и эвристический потенциал размышлений о сути просвещения Кантом (и его современниками) далеко не исчерпан. Три максимы Канта — самостоятельного мышления, вставания на точку зрения другого и согласного с самим собой мышления, — которые развивают идеи, высказанные философом в статье о просвещении 1784 г., не потеряли своей актуальности и, возможно, в нынешних условиях стали еще более злободневными. Так, вторая максима Канта в виде даже самой робкой попытки встать на точку зрения другого оборачивается сегодня скандальным ругательством *Versteher*.

Не меньшую пользу, нежели упомянутые три максимы, могли бы принести сегодня полемический, скептический и критический методы Канта, которые не столько нацелены на беспощадную борьбу с врагами и оппонентами, сколько позволяют поставить под сомнение себя и собственные основания. Тогда, возможно, придет и осознание того, что самые глубокие идеи просвещения не просто не преодолены, а даже еще и не поняты, несмотря на то что они являются гораздо более осмысленными и практичными, нежели самые новомодные рецепты и предложения.

to question oneself and one's arguments. Then perhaps there will arise the awareness that the deepest ideas of enlightenment have not just been not overcome, but have not even been understood, for all that they are far more meaningful and practical than many new-fangled recipes and proposals.

References

Anonym, 1790. Kritischer Versuch über das Wort Aufklärung, zur endlichen Beylegung der darüber geführten Streitigkeiten. *Deutsche Monatsschrift* [Berlin: Vieweg], 3, pp. 11-43, 205-237.

Boguslavskiy, V.M., ed. 1994. *Filosofiya v Entsiklopedii Didro i Dalamberta* [Philosophy in the Encyclopedia of Diderot and D'Alembert]. Moscow: Nauka. (In Rus.)

Cassirer, E., 1932. *Die Philosophie der Aufklärung*. Tübingen: Mohr.

Cassirer, E., 2009. *The Philosophy of the Enlightenment*. Translated by F.C.A. Koelln and J.P. Pettegrove. With a new foreword by P. Gay. Princeton & Oxford: Princeton University Press.

Ciafardone, R. 1990. Einleitung. In: R. Ciafardone, ed. 1990. *Die Philosophie der deutschen Aufklärung. Texte und Darstellung*. Deutsche Bearbeitung von N. Hinske und R. Specht. Stuttgart: P. Reclam, pp. 11-38.

Diderot, D., 1751. Eclairé, clairvoyant. In: D. Diderot and D'Alembert, eds. 1751. *Encyclopédie, ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers*. Tome 5. Paris : Chez Briasson ... David l'aîné ... Le Breton ... Durand, p. 269.

Diderot, D., 1939. Articles from the "Encyclopedia". In: D. Diderot. *Sobraniye sochineniy* [Collected Works] in 10 Volumes. Edited by I.K. Luppol. Volume 7. Moscow, Leningrad: Gospolitizdat, pp. 41-358. (In Rus.)

Eberhard, J.A., 1788. Über die wahre und falsche Aufklärung, wie auch die Rechte der Kirche und des Staats in Ansehung derselben. *Philosophisches Magazin* [Halle: Gebauer], 1, pp. 30-77.

Fichte, J.G., 1801. *Sonnenklarer Bericht an das größte Publikum über das eigentliche Wesen der neuesten Philosophie. Ein Versuch, die Leser zum Verstehen zu zwingen*. Berlin: Realschulbuchhandlung.

Fichte, J.G., 1806. *Die Grundzüge des gegenwärtigen Zeitalters*. Berlin: Realschulbuchhandlung.

Список литературы

Гаман И. Г. Письмо к Х. Я. Краусу по поводу работы Канта «Что такое Просвещение?» / пер. В. Х. Гильманова // Кантовский сборник. 2013. № 1 (43). С. 90–95.

Гегель Г. В. Ф. Феноменология духа / пер. Г. Г. Шпета; отв. ред. М. Ф. Быкова. М.: Наука, 2000.

Гильманов В. Х. Что же такое Просвещение? (послесловие к письму Гамана к Краусу) // Кантовский сборник. 2013. № 1 (43). С. 95–97.

Гоголь Н. В. Выбранные места из переписки с друзьями // Полн. собр. соч.: в 14 т. Л.: Изд-во АН СССР, 1952. Т. 8. С. 213–418.

Гриффитс Д. Екатерина II и ее мир. Статьи разных лет. М.: Новое литературное обозрение, 2013.

Дидро Д. Статьи из «Энциклопедии» // Собр. соч.: в 10 т. / под ред. И. К. Луппола. М.; Л.: Госполитиздат, 1939. Т. 7: Статьи из «Энциклопедии». С. 41–358.

Кант И. Ответ на вопрос: что такое просвещение? // Соч. на нем. и рус. яз. / под ред. Н. В. Мотрошиловой, Б. Тушлинга. М.: Ками, 1994. Т. 1. С. 125–147.

Кассирер Э. Философия Просвещения. М.: РОС-СПЭН, 2004.

Круглов А. Н. Несовершеннолетие и задача истинного преобразования образа мышления. Ч. II // Кантовский сборник. 2014. № 4 (50). С. 39–53.

Круглов А. Н. О понятии просвещения в русской философии XVIII века // Христианское чтение. 2023. № 1. С. 225–245.

Лихтенберг Г. Кр. Афоризмы / подгот. Г. С. Слободкина. 2-е изд. М.: Наука, 1965.

Мендельсон М. Что значит просвещать? / пер. с нем. К. А. Волковой под ред. А. Н. Круглова, И. Д. Копцева // Кантовский сборник. 2011. № 3 (37). С. 74–78.

Николаи К. Ф. Вотум против принятия Фихте в Берлинскую академию наук / пер. А. Н. Круглова // Вопросы философии. 2004. № 8. С. 154–161.

Платон (Левшин П. Г.). Слово в день нерукотворенного образа // Платон, архиепископ (Левшин). Поучительные слова. М.: Сенатская типография, 1780а. Т. 4. С. 78–85.

Платон (Левшин П. Г.). Слово в неделю четвертую Великого Поста // Платон, архиепископ (Левшин). Поучительные слова. М.: Сенатская типография, 1780б. Т. 4. С. 299–305.

Пустарнаков В. Ф. Философия Просвещения в России и во Франции: опыт сравнительного анализа. М.: ИФ РАН, 2002.

Fichte, J.G., 1889. *Characteristics of the Present Age*. In: J.G. Fichte, 1889. *The Popular Works. Fourth Edition in Two Volumes*. Translated by W. Smith. Volume 2. London: Trübner & Co., Ludgate Hill, pp. 1-288.

Fichte, J.G., 1987. *A Crystal Clear Report to the General Public Concerning the Actual Essence of the Newest Philosophy: An Attempt to Force the Reader to Understand*. Translated by J. Botterman and W. Rasch. In: E. Behler, ed. 1987. *Philosophy of German Idealism*. New York: Continuum, pp. 39-115.

Fraenkel, M. and Salomon, G., 1824. *Teutona, eine geordnete Auswahl vorzüglicher Gedanken aus den besten original-deutschen Schriften, zunächst für gebildete Söhne und Töchter*. Bd. 1. Leipzig: Leo.

Gilmanov, V.Kh., 2013. What is the Enlightenment? (Afterword to Hamann's Letter to Kraus). *Kantian Journal*, 1(43), pp. 95-97. (In Rus.)

Gogol, N., 1969. *Selected Passages from Correspondence with Friends*. Translated by J. Zeldin. Nashville: Vanderbilt University Press.

Griffiths, D., 1988. To Live Forever: Catherine II, Voltaire and the Pursuit of Immortality. In: R.P. Bartlett, A.G. Cross and K. Rasmussen, eds. 1988. *Russia and the World of the Eighteenth Century*. Columbus, Ohio: Slavica Publishers, pp. 446-468.

Hamann, J.G., 1996. Letter to Christian Jacob Kraus (18 December 1784). In: J. Schmidt, ed. 1996. *What Is Enlightenment? Eighteenth-Century Answers and Twentieth-Century Questions*. Berkeley, Los Angeles & London: University of California Press, pp. 145-153.

Hazard, P., 1935. *La Crise de la conscience européenne. 1680–1715. Volumes 1–3*. Paris: Boivin.

Hazard, P., 1946. *La Pensée européenne au XVIIIe siècle de Montesquieu à Lessing. Volumes 1–3*. Paris: Boivin.

Hegel, G.W.F., 1978. *The Difference between the Fichtean and Schellingian Systems of Philosophy*. Translation, Introductory Essay, and Notes by J.P. Surber. Reseda, Calif.: Ridgeview Pub. Co.

Hegel, G.W.F., 1979. *Differenz des Fichteschen und Schellingschen Systems der Philosophie*. In: G.W.F. Hegel, 1979. *Werke. Auf der Grundlage der Werke von 1832–1845 neu edierte Ausgabe*. Edited by E. Moldenhauer, K.M. Michel. Volume 2. Frankfurt am Main: Suhrkamp, pp. 9-140.

Hegel, G.W.F., 1989. *Phänomenologie des Geistes*. In: G.W.F. Hegel, 1989. *Werke. Auf der Grundlage der Werke von 1832–1845 neu edierte Ausgabe*. Edited by E. Moldenhauer and K.M. Michel. Volume 3. Frankfurt am Main: Suhrkamp, pp. 11-591.

Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный вторым отделением Императорской Академии наук. СПб. : тип. Императорской Академии наук, 1847. Т. 3.

Статьи о философии, и частях ее из Энциклопедии / пер. Я. П. Козельского. СПб. : [тип.] при Императорской Академии наук, 1770а. Ч. 1.

Статьи о нравоучительной философии, и частях ее из Энциклопедии / пер. Я. П. Козельского. СПб. : [тип.] при Императорской Академии наук, 1770б. Ч. 2.

Философия в Энциклопедии Дидро и Даламбера / под ред. В. М. Богуславского. М. : Наука, 1994.

Фихте И. Г. Основные черты современной эпохи // Соч. : в 2 т. / сост. и примеч. В. Волжского. СПб. : Мифрил, 1993. Т. 2. С. 359–618.

Фихте И. Г. Ясное, как солнце, сообщение широкой публике о сути новейшей философии // Соч. Работы 1792–1801 / подгот. П. П. Гайдено. М. : Ладомир, 1995. С. 523–601.

Хоркхаймер М., *Адорно* Т. В. Диалектика Просвещения. Философские фрагменты / пер. М. Кузнецова. М. ; СПб. : Медиум, 1997.

Шеллинг Ф. В. Й. К истории новой философии (Мюнхенские лекции) // Соч. : в 2 т. / под ред. А. В. Гулыги. М. : Мысль, 1989. Т. 2. С. 387–560.

Шеллинг Ф. Лекции о методе университетского образования / пер., вступ. ст. и примеч. И. Фокина. СПб. : Издательский дом «Мир», 2009.

Шпальдинг И. И. Размышление о предназначении человека / пер. с нем. Л. Э. Крыштоп под ред. А. Н. Круглова // Историко-философский ежегодник 2013. М. : Канон+, 2014. С. 156–174.

Аноним. Kritischer Versuch über das Wort Aufklärung, zur endlichen Beylegung der darüber geführten Streitigkeiten // Deutsche Monatsschrift. Berlin : Vieweg, 1790. Bd. 3. S. 11–43, 205–237.

Aussprüche der philosophirenden Vernunft und des reinen Herzens über die der Menschheit wichtigsten Gegenstände / mit besonderer Rücksicht auf die kritische Philosophie zusammengetragen aus den Schriften älterer und neuerer Denker [von J. H. Wyttenbach, J. A. Nevrohr]. Jena : Voigt, 1797. Bd. 1.

Aussprüche des reinen Herzens und der philosophirenden Vernunft über die der Menschheit wichtigsten Gegenstände / zusammen getragen aus den Schriften älterer und neuerer Denker von J. H. Wyttenbach, J. A. Nevrohr. Leipzig : Roch und Compagnie, 1801. Bd. 1.

Cassirer E. Die Philosophie der Aufklärung. Tübingen : Mohr, 1932.

Hegel, G.W.F., 2018. *The Phenomenology of Spirit*. Translated and edited by T. Pinkard. Cambridge: Cambridge University Press.

Hinske, N., ed., 1973. *Was ist Aufklärung? Beiträge aus der Berlinischen Monatsschrift*, in Zusammenarbeit mit M. Albrecht ausgewählt, eingeleitet und mit Anmerkungen versehen von N. Hinske. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft.

Hinske, N., ed., 1990. *Was ist Aufklärung? Beiträge aus der Berlinischen Monatsschrift*, in Zusammenarbeit mit M. Albrecht ausgewählt, eingeleitet und mit Anmerkungen versehen von N. Hinske. 4. Auflage. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft.

Horkheimer, M. and Adorno, T.W., 2002. *Dialectic of Enlightenment. Philosophical Fragments*. Edited by G. Schmid Noerr; translated by E. Jephcott. Stanford: Stanford University Press.

Kant, I., 1793a. Beantwortung der Frage: Was ist Aufklärung? In: *I. Kants kleine Schriften*. Nuewied: bei J.T. Haupt, pp. 34-50.

Kant, I., 1793b. Beantwortung der Frage: Was ist Aufklärung? In: *I. Kants zerstreute Aufsätze*. Frankfurt: s. n., pp. 25-37.

Kant, I., 1797. Beantwortung der Frage: Was ist Aufklärung? In: *I. Kants sämtliche kleine Schriften. Band 3*. Königsberg: Voigt, pp. 159-172.

Kant, I., 1799. Beantwortung der Frage: Was ist Aufklärung? In: J.H. Tieftrunk, ed. 1799. *I. Kants vermischte Schriften. Band 2*. Halle: Renger, pp. 687-700.

Kant, I., 2006. An Answer to the Question: What Is Enlightenment? In: I. Kant, 2006. *Toward Perpetual Peace and Other Writings on Politics, Peace, and History*. Edited and with an introduction by P. Kleingeld; translated by D.L. Colclasure. New Haven & London: Yale University Press, pp. 17-23.

Klobuschitzky, P., 1831. *Die vornehmsten Grundsätze der Politik und Religion beide bearbeitet in reinsten Sinne für unsere Zeit, sie sind die zwei Pole des menschlichen Lebens, auf die jeder auf Bildung und wahre Cultur, Anspruch machende Mensch sein Auge heften musz, zusammen getragen aus der philosophirenden Vernunft und aus den reinen Herzen*. Pesth: Landerer.

Kozelskiy, Ya.P., [transl.] 1770a. *Statyi o filosofii i chastyakh eya iz Entsiklopedii* [Articles on Philosophy and Its Parts from the Encyclopedia]. Part I. St. Petersburg: pri Imperatorskoy Akademii nauk. (In Rus.)

Kozelskiy, Ya.P., [transl.] 1770b. *Stati o nravouchitelnoy filosofii. i chastyakh eya iz Entsiklopedii* [Articles on Moral Philosophy, and Parts of It from the Encyclopedia]. Part II. St. Petersburg: pri Imperatorskoy Akademii nauk. (In Rus.)

Ciafardone R. Einleitung // Die Philosophie der deutschen Aufklärung. Texte und Darstellung / hrsg. von R. Ciafardone ; deutsche Bearb. von N. Hinske, R. Specht. Stuttgart : P. Reclam, 1990. S. 11–38.

Diderot D. Eclairé, clairvoyant // Encyclopédie, ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers. P. : A.-C. Briasson ; M.-A. David ; A. Le Breton ; L. Durand, 1751. T. 5. P. 269.

Eberhard J.A. Über die wahre und falsche Aufklärung, wie auch die Rechte der Kirche und des Staats in Ansehung derselben // Philosophisches Magazin. Halle : Gebauer, 1788. Bd. 1. S. 30–77.

Fichte J.G. Sonnenklarer Bericht an das größere Publikum über das eigentliche Wesen der neuesten Philosophie. Ein Versuch, die Leser zum Verstehen zu zwingen. Berlin : Realschulbuchhandlung, 1801.

Fichte J.G. Die Grundzüge des gegenwärtigen Zeitalters. Berlin : Realschulbuchhandlung, 1806.

Fraenkel M., Salomon G. Teutona, eine geordnete Auswahl vorzüglicher Gedanken aus den besten originaldeutschen Schriften, zunächst für gebildete Söhne und Töchter. Leipzig : Leo, 1824. Bd. 1.

Hazard P. La Crise de la conscience européenne. 1680–1715 : en 3 vol. P. : Boivin, 1935.

Hazard P. La Pensée européenne au XVIIIe siècle de Montesquieu à Lessing : en 3 vol. P. : Boivin, 1946.

Hegel G.W.F. Differenz des Fichteschen und Schellingschen Systems der Philosophie // Werke. Auf der Grundlage der Werke von 1832–1845 neu edierte Ausgabe / hrsg. von E. Moldenhauer, K.M. Michel. Frankfurt a/M : Suhrkamp, 1979. Bd. 2. S. 9–140.

Hegel G.W.F. Phänomenologie des Geistes // Werke. Auf der Grundlage der Werke von 1832–1845 neu edierte Ausgabe / hrsg. von E. Moldenhauer, K.M. Michel. 2. Aufl. Frankfurt a/M : Suhrkamp, 1989. Bd. 3. S. 11–591.

Kant I. Beantwortung der Frage: Was ist Aufklärung? // I. Kants kleine Schriften. Neuwied : bei J. T. Haupt, 1793a. S. 34–50.

Kant I. Beantwortung der Frage: Was ist Aufklärung? // I. Kants zerstreute Aufsätze. Frankfurt : s.n., 1793b. S. 25–37.

Kant I. Beantwortung der Frage: Was ist Aufklärung? // I. Kants sämtliche kleine Schriften. Königsberg : Voigt, 1797. Bd. 3. S. 159–172.

Kant I. Beantwortung der Frage: Was ist Aufklärung? // I. Kants vermischte Schriften. Halle : Renger, 1799. Bd. 2 / hrsg. von J. H. Tieftrunk. S. 687–700.

Krouglov, A.N., 2014. Immaturity and the Objective of a True Reform in Ways of Thinking. Part II. *Kantian Journal*, 4(50), pp. 39-53. (In Rus.)

Krouglov, A.N., 2023. The Concept of Enlightenment in Russian Philosophy of the 18th Century. *Khristianskoye Chteniye*, 1, pp. 225-245 (In Rus.)

Lichtenberg, G.C., 2000. *The Waste Books*. Translated with an Introduction and Notes by R.J. Hollingdale. New York: The New York Review of Books.

Mendelssohn, M., 1997. On the Question: What Does “To Enlighten” Mean? In: M. Mendelssohn, 1997. *Philosophical Writings*. Translated and edited by D.O. Dahlstrom. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 313-317.

Nicolai, F., 1995. *Votum gegen die Aufnahme Fichtes in die Berliner Akademie der Wissenschaften*. In: F. Nicolai, 1995. *Sämtliche Werke, Briefe, Dokumente: kritische Ausgabe mit Kommentar. Volume 6: Gedächtnisschriften und philosophische Abhandlungen. Part 1: Text*. Bearbeitet von A. Košenina. Bern: Peter Lang, pp. 675-682.

Platon (Levshin, P.G.), 1780a. A Word on the Day of the Miraculous Image. In: Platon, archbishop (Levshin). *Pouchitelnyye slova [Instructive Words]*. Volume 4. Moscow: Senatskaya tipografiya, pp. 78-85. (In Rus.)

Platon (Levshin, P.G.), 1780b. A Word in the Fourth Week of Great Lent. In: Platon, archbishop (Levshin), 1780. *Pouchitelnyye slova [Instructive Words]*. Volume 4. Moscow: Senatskaya tipografiya, pp. 299-305. (In Rus.)

Pustarnakov, V.F., 2002. *Filosofiya Prosveshcheniya v Rossii i vo Frantsii: opyt sravnitel'nogo analiza [The Philosophy of the Enlightenment in Russia and in France: A Comparative Analysis]*. Moscow: IFRAN. (In Rus.)

Schalk, F., 1971. Aufklärung. In: J. Ritter, K. Gründer, eds. 1971. *Historisches Wörterbuch der Philosophie. Volume 1*. Basel: Schwabe, col. 620-633.

Schaumann, J.C.G., 1793. *Versuch über Aufklärung, Freyheit und Gleichheit in Briefen. Nebst einer Prüfung der Rehbergischen Schrift über die französische Revolution*. Halle: Gebauer.

Schelling, F.W.J., 1803. *Vorlesungen über die Methode des academischen Studium*. Tübingen: Cotta.

Schelling, F.W.J., 1806. Darlegung des wahren Verhältnisses der Naturphilosophie zu der verbesserten Fichte'schen Lehre. Tübingen: Cotta.

Schelling, F.W.J., 1861. Zur Geschichte der neueren Philosophie. In: F.W.J. Schelling, 1861. *Sämtliche Werke, Volume 10*. Edited by K.F.A. Schelling. Stuttgart & Augsburg: Cotta, pp. 1-200.

Klobuschitzky P. Die vornehmsten Grundsätze der Politik und Religion beide bearbeitet in reinsten Sinne für unsere Zeit, sie sind die zwei Pole des menschlichen Lebens, auf die jeder auf Bildung und wahre Cultur, Anspruch machende Mensch sein Auge heften musz. zusammen getragen aus der philosophirenden Vernunft und aus den reinen Herzen. Pesth : Landerer, 1831.

Quellen zur Berliner Mittwochsgesellschaft: Edition und Kommentierung der Moehsen-Papiere // Universität Trier, Kant-Forschungsstelle, 2022. URL: <https://www.uni-trier.de/universitaet/fachbereiche-faecher/fachbereich-i/faecher-und-institute/philosophie/forschung/kant-forschungsstelle/forschung/forschungsbereiche#c370977> (дата обращения: 25.02.2023).

Schalk F. Aufklärung // Historisches Wörterbuch der Philosophie / hrsg. von J. Ritter, K. Gründer. Basel : Schwabe, 1971. Bd. 1. Sp. 620–633.

Schaumann J. Chr. G. Versuch über Aufklärung, Freyheit und Gleichheit in Briefen. Nebst einer Prüfung der Rehbergischen Schrift über die französische Revolution. Halle : Gebauer, 1793.

Schelling F.W.J. Vorlesungen über die Methode des academischen Studium. Tübingen : Cotta, 1803.

Schelling F.W.J. Darlegung des wahren Verhältnisses der Naturphilosophie zu der verbesserten Fichte'schen Lehre. Tübingen : Cotta, 1806.

Schelling F.W.J. Zur Geschichte der neueren Philosophie // Sämmtliche Werke / hrsg. von K.F.A. Schelling. Stuttgart ; Augsburg : Cotta, 1861. Bd. 10. S. 1–200.

Stuke H. Aufklärung // Geschichtliche Grundbegriffe. Historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland / hrsg. von O. Brunner, W. Conze, R. Koselleck. Stuttgart : Klett Verlag, 1972. Bd. 1. S. 243–342.

Tetens J.N. Philosophische Versuche über die menschliche Vernunft und ihre Entwicklung. Leipzig : Weidmann, 1777. Bd. 2.

Tetens J.N. Betrachtungen über die gegenseitigen Befugnisse der kriegführenden Mächte und der Neutralen auf der See. Kiel : Neue academische Buchhandlung, 1802.

Was ist Aufklärung? Beiträge aus der Berlinischen Monatsschrift / in Zusammenarbeit mit M. Albrecht ausgewählt, eingeleitet und mit Anmerkungen versehen von N. Hinske. Darmstadt : Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1973.

Was ist Aufklärung? Beiträge aus der Berlinischen Monatsschrift / in Zusammenarbeit mit M. Albrecht ausgewählt, eingeleitet und mit Anmerkungen versehen von N. Hinske. 4. Aufl. Darmstadt : Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1990.

Schelling, F.W.J., 1966. *On University Studies*. Translated by E.S. Morgan. Edited and with an Introduction by N. Guterman. Athens: Ohio University Press.

Schelling, F.W.J., 1994. *On the History of Modern Philosophy*. Edited and translated by A. Bowie. Cambridge: Cambridge University Press.

Schelling, F.W.J., 2018. *Statement on the True Relationship of the Philosophy of Nature to the Revised Fichteian Doctrine: An Elucidation of the Former, 1806*. Translated with an introduction and notes by D.E. Snow. Albany: State University of New York Press.

Slovar, 1847. *Slovar tserkovno-slavyanskogo i russkogo yazyka. sostavlenyy vtorym otdeleniyem Imperatorskoy Akademii nauk* [Dictionary of Church Slavonic and Russian, compiled by the Second Department of the Imperial Academy of Sciences]. Volume 3. St. Petersburg: tipografiya Imperatorskoy Akademii nauk. (In Rus.)

Spalding, J.J., 1749. *Betrachtung über die Bestimmung des Menschen*. Dritte und vermehrte Auflage. Berlin: Weitbrecht.

Stuke, H., 1972. Aufklärung. In: O. Brunner, W. Conze and R. Koselleck, eds. 1972. *Geschichtliche Grundbegriffe. Historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland*. Volume 1. Stuttgart: Klett Verlag, pp. 243-342.

Tetens, J.N., 1777. *Philosophische Versuche über die menschliche Vernunft und ihre Entwicklung*. Volume 2. Leipzig: Weidmann.

Tetens, J.N., 1802. *Betrachtungen über die gegenseitigen Befugnisse der kriegführenden Mächte und der Neutralen auf der See*. Kiel: Neue academische Buchhandlung.

Universität Trier, Kant-Forschungsstelle, 2022. *Quellen zur Berliner Mittwochsgesellschaft: Edition und Kommentierung der Moehsen-Papiere*. [online] Available at: <<https://www.uni-trier.de/universitaet/fachbereiche-faecher/fachbereich-i/faecher-und-institute/philosophie/forschung/kant-forschungsstelle/forschung/forschungsbereiche#c370977>> [Accessed 25 February 2023].

[Weißenbach, J.A.], 1790. *Wenn dieses Aufklärung ist, was ist Unsinn? Eine wichtige Frage, welche Herr Kaspar Ruef Lehrer der griechischen Sprache, und Bibliothekar auf der berühmten hohen Schule zu Freyburg im Breisgau aufzulösen geziemend ersuchtet wird von einem Denker im Jahre 1790*. Philadelphia [Augsburg]: bey Gradani [Doll].

Wytttenbach, J.H. and Nevrohr, J.A., eds. 1797. *Aussprüche der philosophirenden Vernunft und des reinen Herzens über die der Menschheit wichtigsten Gegenstände mit besonderer Rücksicht auf die kritische Philosophie zusammengetragen aus den Schriften älterer und neuerer Denker*. Volume 1. Jena: Voigt.

[Weißbach J.A.] Wenn dieses Aufklärung ist, was ist Unsinn? Eine wichtige Frage, welche Herr Kaspar Ruff Lehrer der griechischen Sprache, und Bibliothekar auf der berühmten hohen Schule zu Freyburg im Breisgau aufzulösen geziemend ersuchet wird von einem Denker im Jahre 1790. Philadelphia [Augsburg] : bey Gradani [Doll], 1790.

Zöllner J.F. Ist es rathsam, das Ehebündniß ferner durch die Religion zu sancieren? // *Berlinische Monatschrift* / hrsg. von F. Gedike, J. E. Biester. Berlin : Bei Haude und Spener, 1783. Bd. 2. S. 508–517.

[Zöllner J.F.] Der Affe. Eine Fabel // *Berlinische Monatschrift* / hrsg. von F. Gedike, J. E. Biester. Berlin : bei Haude und Spener, 1784. Bd. 4. S. 480.

Zöllner J.F. Über Aufklärung // *Lesebuch für alle Stände. Zur Beförderung edler Grundsätze, ächten Geschmacks und nützlicher Kenntnisse* / hrsg. von J. F. Zöllner. Berlin : Maurer, 1787. Tl. 8. S. 92–101.

Об авторе

Алексей Николаевич **Круглов**, доктор философских наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия.

E-mail: akrouglov@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1152-1309>

Для цитирования:

Круглов А. Н. Кантовское понятие просвещения и его альтернативы // *Кантовский сборник*. 2023. Т. 42, № 2. С. 16–39.

doi: 10.5922/0207-6918-2023-2-2

© Круглов А. Н., 2023.

Wytttenbach, J.H. and Nevrohr, J.A., eds. 1801. *Aussprüche des reinen Herzens und der philosophirenden Vernunft über die der Menschheit wichtigsten Gegenstände zusammen getragen aus den Schriften älterer und neuerer Denker*. Volume 1. Leipzig: Roch & Compagnie.

Zöllner, J.F., 1783. Ist es rathsam, das Ehebündniß ferner durch die Religion zu sancieren? *Berlinische Monatschrift* [hg. von F. Gedike, J.E. Biester. Berlin: Bei Haude und Spener], 2, pp. 508-517.

[Zöllner, J.F.], 1784. Der Affe. Eine Fabel. *Berlinische Monatschrift* [hg. von F. Gedike, J.E. Biester. Berlin: Bei Haude und Spener], 4, p. 480.

Zöllner, J.F., 1787. Über Aufklärung. In: J.F. Zöllner, ed. 1787. *Lesebuch für alle Stände. Zur Beförderung edler Grundsätze, ächten Geschmacks und nützlicher Kenntnisse*. Theil 8. Berlin: Maurer, pp. 92-101.

Translated from the Russian by Evgeni N. Filippov

The author

Prof. Dr Alexei N. **Krouglov**, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia.

E-mail: akrouglov@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1152-1309>

To cite this article:

Krouglov, A.N., 2023. Kant's Concept of Enlightenment and Its Alternatives. *Kantian Journal*, 42(2), pp. 16-39.

<http://dx.doi:10.5922/0207-6918-2023-2-2>

© Krouglov A.N., 2023.

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))